

УДК: 1 (091) : 316.343

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ САМОСОЗНАНИЯ И МЕСТО В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

С. А. Стасенко

Реферат. В статье рассматриваются проблемы самосознания интеллигенции, взятые в контексте определения места интеллигенции в общественном разделении труда. Специфика самосознания современной интеллигенции определяется переходом от классического к неклассическому типу рациональности. При этом сохраняется сущностное ядро интеллигенции, к которому относится нравственное измерение ее деятельности, вписанное в контекст образа жизни интеллигенции. Социальные функции интеллигенции не следует сводить к функциям идеологической борьбы, более того, критика идеологии является одним из условий объективного познания. Специфические задачи, стоящие перед интеллигенцией, определяют ее особенное положение в общественном разделении труда, делают связку образа жизни и мыслительной работы основополагающей характеристикой интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, мышление, самосознание, общественное разделение труда, идеология, рациональность.

Современная эпоха по-новому поставила вопрос о роли интеллигенции в обществе, в общественном разделении труда, особенностях ее самосознания. Достаточно распространенной долгое время была точка зрения, что понятие «интеллигенции» является рудиментом, от которого следует избавиться, который следует изжить, понятийно заменив трудно фиксируемый социальный слой интеллигенции четко выделяемым классом интеллектуалов. Однако класс интеллектуалов, в отличие от интеллигенции не делает нравственное измерение своей работы основополагающим, ограничивая ответственность перед обществом ответственностью перед заказчиком интеллектуального продукта, тогда как для интеллигенции нравственная ответственность перед обществом является определяющей. Поэтому возврат к теме интеллигенции, взятой в контексте общественного разделения труда и ее самосознания, является актуальным, в особенности, в контексте возврата к идее социальной ответственности за результаты интеллектуальной деятельности в целом.

Тема интеллигенции поднималась в работах А.И. Герцена, Н.И. Чернышевского, Н.А. Бердяева, из современных авторов – в работах М.В. Поповича [1], Е.С. Чичина [2], А.А. Пальшина [3], В.В. Комисарова, М. Ремизова и др. Предметом рассмотрения выступали социально-философский смысл понятия «интеллигенция», значение интеллигенции в национальной культуре, особенности творчества интеллигенции. Вместе с тем, важным и нерешенным аспектом темы интеллигенции является особенности самосознания интеллигенции, а также ее место в процессе общественного разделения труда.

Целью настоящей работы является описание актуальных проблем самосознания современной интеллигенции, рассмотренных в аспекте отношения к мышлению и образу жизни интеллигенции.

В предисловии к «Науке логики» Г. Гегель описал кризис самосознания интеллигенции, фактически, ее грехопадение, которое выражается в отказе от идеи объективной истины и торжестве субъективизма. В частности, он утверждает: «Единственное, к чему я вообще стремился и стремлюсь в своих философских изысканиях, – это научное познание истины. Такое познание является наиболее трудным путем, но только этот путь может представлять интерес и ценность для духа, если этот последний, однажды

вступив на путь мысли, не впал в суетность, а сохранил неустрашимую волю к истине» [4, с. 57].

Согласно Г. Гегелю, развитие научного знания, которое исходит из презумпции очевидности и непосредственности, достигнув определенных успехов в материально-практическом освоении мира, в вопросах т.н. «конечных вещей» человеческого познания полагается на субъективизм оценок и мнений множества индивидуальных сознаний. При этом данные суждения, которые предлагается принимать как данность, без опровержения, являются построенными небрежно с точки зрения собственных оснований и, фактически, не соответствуют критериям научности.

Причина данной ситуации отчасти заключается в том, что интеллигенция как выразитель не только определенного интеллектуального уровня, но и носитель нравственного сознания, что, собственно, и отличает интеллигенцию от представителей класса так называемых интеллектуалов, утратила понимание себя, своих специфических функций, мировоззренческих и нравственных ориентиров в истории и культуре.

Подобное состояние Г. Гегель обозначил словами «суетность мысли», подчеркивая, что отсутствие ясности в понимании своего предназначения как носителя и социального выразителя мышления приводит к ошибочным выводам и представлениям.

«Суетность мысли», которая овладела интеллигенцией, проявляется в невозможности сформировать адекватные ответы на вызовы эпохи и предложить обществу те мировоззренческие основания и подходы, опираясь на которые оно могло бы осознать себя в текущих исторических условиях, сохранить свою идентичность и выработать направления для своего развития. «Суетность мысли» связана с определенной «всеядностью» познания, когда целью становится не познание объекта, а познание многообразия существующих мнений о нем, переход от одного массива мнений к другому, создаваемая иллюзия знания, по сути, «многознание», которое, по словам Гераклита, «уму не научает».

Одним из проявлений «суетности мысли» можно считать подмену практики мышления практикой производства текстов применительно к интеллигенции.

Производство текстов предполагает формирование некоего информационного целого, составленного из присвоенных и переработанных автором частей, в результате чего формируется «гербарий», составленный из элементов, присвоенных и переработанных автором.

Практика мышления, напротив, предполагает не присвоение, а вхождение в содержание объекта, развертывание его внутренней логики, последующему переходу к другому объекту.

Мышление, рассмотренное в контексте жизнедеятельности, выступает как *опыт* мышления, *переживание* мышления. Как описал это состояние М.К. Мамардашвили: «Очевидно, у мышления, имеющего непосредственное отношение к истине, есть своя эстетика, доставляющая порой единственную радость человеку ... иногда нам действительно ничего не остается, кроме ожидания светлой радости мысли» [5, с. 9]. Опыт мышления выступает здесь как *переживание* некоторых понятий и идей как своих собственных, которое может возникнуть как в процессе чтения философского произведения, так и процессе самостоятельной работы мысли.

Важно подчеркнуть, что опыт переживания мышления не отменяет подготовки к процессу мышления. Этот опыт возникает не на пустом месте, ему предшествует длительная подготовка, которую Э.В. Ильенков выразил в призыве-обращении: «Учитесь мыслить смолоду!».

Сознание может характеризовать взаимоотношение мышления и жизни с двух позиций:

1) мышление как часть жизни, испытывающая влияние со стороны различных систем, составляющих жизнедеятельность;

2) жизнь как часть мышления, вписанная в контекст мышления, мышление как образ жизни, выражаясь словами М.К. Мамардашвили, «быть философом – это судьба».

В первом случае речь идет о традиционном взгляде на природу мышления: мышление как часть жизни, один из аспектов существования. Во втором случае речь идет о

подчиненности самой жизни практике мышления, выработке определенного образа жизни, исходя из приоритетности мышления по отношению к жизни. Как выразил это крупный русский и советский мыслитель Я.С. Друскин: «Я жизнь свою продумал, а мысли пережил».

В конечном итоге, взятое здесь противопоставление мысли и жизни используется только для целей анализа и не является таковым в действительности. В действительности между ними существует динамическое равновесие.

Важнейшим препятствием на пути достижения эффективности мышления интеллигенции, фактически, признаком падения качества ее мышления, является идеология.

С точки зрения целей идеология является формой управляемого воздействия, реализуемой через конструирование определенного образа реальности. С точки зрения средств идеология выступает как система языка и система смыслов, раскрываемых через данный язык. Субъект, овладевая данным языком, который он использует к выражению определенных, четко фиксированных смыслов, подменяет поиск аргументов для обоснования и выражения определенного содержания своей мысли самой догматизированной формой ее выражения.

Невозможность полного *выхода* за пределы идеологии не означает отмену борьбы за чистоту и правильность мышления. Совокупность идеологических факторов, преломленных и отраженных в сознании, и оказывающих влияние на процесс мышления, должна стать предметом критического анализа и пересмотра.

Интеллигенцию следует рассматривать в контексте общественного разделения труда. Как отмечает М.К. Мамардашвили, «сфера, в которой выступает и осуществляется познающее мышление, – это наука как область разделения человеческого труда, как особое общественное образование, в рамках которого знание вырабатывается на основе специфических исторических и социальных связей людей, а не просто индивидуального их сознания» [6, с. 12-13].

При этом общество, в целом, и каждый отдельный его представитель, в частности, формируют смысловое поле, в которое вписывают свою жизнедеятельность, исходя из имеющегося образа мира. Производство, формирование смыслов является неотъемлемой частью человеческого бытия. Сознательный отказ от участия в этом процессе может быть только более или менее кратковременным этапом, сродни тому, что А. Камю назвал «болезнью духа».

На интеллигенцию как социальную прослойку, занятую непосредственно интеллектуальным, духовным производством, обществом возлагается задача выработки необходимых данному обществу смыслов, которые обеспечивали бы его выживание и дальнейшее развитие. Интеллигенция должна познать закономерности исторического развития, ту траекторию, в рамках которой обществу следует выстраивать линию своего развития, и изложить их для общества.

Понимание назначения интеллигенции, выработанное в классической философии, сводится к тому, что последняя должна найти некую точку, позицию «над» миром, выйти в эту позицию, и затем, «вернувшись» в общество, донести содержание «увиденного» в этой позиции обществу. Остальная часть общества по причине отсутствия времени и средств выступает в роли потребителя. В такой интерпретации интеллигенция наделяется пасторскими, пророческими функциями по отношению к обществу, функциями своеобразной «духовной» власти.

В частности, И.-Г. Фихте, определяя роль и назначение интеллигенции в обществе, исходил из принципа разделения труда между социальными стратами, согласно которому интеллектуальный труд – это форма труда, продукты и результаты которого обмениваются на продукты и результаты труда представителей других социальных групп и сословий. При этом на интеллигенции лежит обязанность развивать свои коммуникативно-социальные навыки и качества, поскольку такова специфика самой этой формы труда. Конечно, по И.-Г. Фихте, интеллигенция отличается не только спецификой своего труда, но еще и высоким нравственным предназначением, служением истине. И этот моральный пафос

выделяет ее из других социальных страт и в определенном смысле возвышает над ними. Принадлежность к интеллигенции определяется не только владением определенными знаниями и навыками умственной деятельности, интеллектуального труда, но и особой ответственностью, нравственностью, просветительским духом и моральной чистотой, которые характеризуют членов данной социальной страты. «Ученый – воспитатель человечества... он обязан быть для него хорошим примером и во всех проявлениях культуры быть впереди других сословий» [7, с. 511].

Социально-классовый аспект в понимании феномена интеллигенции был выделен К. Марксом, фигура которого, согласно М.К. Мамардашвили, разделяет классический и неклассический типы рациональности. Согласно К. Марксу, сознание интеллигенции не может быть «чистым» отражающим сознанием, поскольку в нем уже присутствуют определенные структуры, которые, собственно, и определяют процесс познавательной деятельности. Индивиды рассматриваются, прежде всего, как носители социального опыта, вне которого они не могут быть адекватно поняты. По словам М.К. Мамардашвили, «Маркс берет не созерцающее сознание, раскрываемое в рамках абстракции гносеологического субъекта (по схеме телеологии самосознания и т.п.), а сознание, включенное в социальные структуры, являющееся активным реальным звеном их развития и функционирования, а поэтому рассматриваемое согласно своей роли и месту в них» [8, с. 234].

Таким образом, познание социальных и исторических закономерностей и их изложение для социума, на языке социума, в терминах, приемлемых данным социумом и составляет основную задачу интеллигенции. Общество существует в истории, которая имеет свою логику и закономерности развития. Интеллигенция же, определяя эти закономерности, проектирует развитие общества. При этом, конечно, не может быть и речи об абсолютном тождестве конструируемых вариантов и стратегий развития и тех объективных закономерностей, которые обуславливают особенность данного исторического этапа.

Отсутствие интеллигенции, подмена интеллигенции некой иной прослойкой, чуждой мышлению и нравственной ответственности, приводит к тому, что существование общества в истории утрачивает свою осознанность. Неспособность производить конструкты и сценарии развития, основанные на осознании и овладении объективными историческими закономерностями, приводит к исчезновению общества, как целостности, которое интеллигенция репрезентирует, в истории.

Ошибочно полагать, что интеллигенция избыточна по отношению к обществу. Интеллигенция необходима для обеспечения развития общества, причем не только в контексте идеологической борьбы.

Следует отметить, что в качестве субъекта духовного производства интеллигенция в отношении к обществу реализует два типа функций:

- 1) познание закономерностей, определяющих развитие общества в контексте условий, обеспечивающих его существование;
- 2) интерпретация и изложение познанных закономерностей для общества, фактически опосредование при освоении обществом данных закономерностей.

Как говорил Гомер, всякая вещь имеет два названия – одно на языке бессмертных богов, другое на языке смертных людей.

Необходимо подчеркнуть, что реализация функции интерпретации не предполагает субъективизма в использовании понятий, хотя умение их использования, а также формы их использования характеризует масштаб личности конкретного представителя интеллигенции, поскольку используемые или конструируемые понятийные системы должны отражать и описывать суть объекта в многообразии его сторон, свойств и качеств при сохранении понимания динамики его развития.

Если исходить из принципа разделения труда, то никакая иная социальная прослойка не может решить данные задачи, а добытое знание будет неизбежно случайным, акцидентальным, лишенным универсальности и обоснования для общества, в целом, поскольку она не обладает необходимыми инструментами передачи знания.

Для того, чтобы реализовать свою историческую миссию, интеллигенция должна, следуя правилу Декарта, обратиться к познанию сущностного содержания – своей эпохи, своего места в ней, перспектив общественного развития.

Сущностное содержание предмета можно раскрыть двумя путями:

1) дать серию дефиниций, которые отражают многообразие аспектов и форм проявления объекта;

2) использовать единичный случай, в котором, как в клеточке, отражаются сущностные характеристики объекта.

Для этого интеллигенция должна обладать высокоразвитой способностью к рефлексии: согласно К. Марксу: человек «родился без зеркала в руках и не в качестве фиктеанского философа «Я есмь Я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»» [9, с. 62]. Иными словами, в сознании Петра присутствует образ Павла и образ Петра, отраженный образом Павла. Но эта сложная конструкция имеет место быть только при наличии взаимодействия между субъектами. Без наличия такой связи субъект ограничивается обобщенно-абстрактным представлением и не выходит на понятийный уровень.

Возникает вопрос о возможностях и условиях этого рефлексивного выхода. На заре эпохи Нового времени самосознание ученого ставило себя на позицию как бы вне социальной обусловленности, но уже К. Маркс в своей критике идеологии обнаружил, что самосознание ученого является также социально обусловленным и подверженным влиянию самых разнообразных факторов, начиная от классового происхождения и заканчивая определенными сословными симпатиями. Поэтому результаты такой рефлексии не могут считаться «чистым» оттиском мира.

Иными словами, интеллигенция, представляя обществу необходимые метафизические решения для определения его дальнейшего пути в истории, должна также разрабатывать и способы понимания себя и выстраивания своей практики, которые, спустя время, становятся конкретной программой к действию, сценарием достижения поставленных целей.

Таким образом, одной из основных проблем самосознания современной интеллигенции является отказ от идеи объективной истины, субъективизм взглядов, оценок и характеристик при определении основных закономерностей социального развития. Данная тенденция является сопутствующим фактором в процессе перехода от классического к неклассическому типу рациональности при сохранении сущностного ядра интеллигенции, к которому относится нравственное измерение ее деятельности, вписанное в контекст образа жизни интеллигенции. Специфические задачи, стоящие перед интеллигенцией, определяют ее особенное положение в общественном разделении труда, делают связку образа жизни и мыслительной работы основополагающей характеристикой интеллигенции. Поэтому при формировании различных программ поддержки или формирования интеллигенции рекомендуется учитывать как данные особенности самосознания интеллигенции, так и ее место в общественном разделении труда, не сводя функции интеллигенции исключительно к идеологической борьбе, напротив, понимая, что критика идеологии является одним из условий объективного познания.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядаються проблеми самосвідомості інтелігенції, взяті в контексті визначення її місця у суспільному розподілі праці. Специфіка самосвідомості сучасної інтелігенції визначається переходом від класичного до некласичного типу раціональності. При цьому зберігається сутнісне ядро інтелігенції, до якого відноситься моральний вимір її діяльності, вписаний у контекст способу життя інтелігенції. Соціальні функції інтелігенції не слід зводити до функцій ідеологічної боротьби, більше того, критика ідеології є однією з умов об'єктивного пізнання. Специфічні завдання, що стоять перед інтелігенцією,

визначають її особливе становище в суспільному розподілі праці, роблять зв'язку способу життя та розумової роботи основоположною характеристикою інтелігенції.

Ключові слова: інтелігенція, мислення, самосвідомість, суспільний розподіл праці, ідеологія, раціональність.

SUMMARY

The article devoted to the problem of self-consciousness of the intelligentsia, taken in the context of determining the place of the intelligentsia in the social division of labor. Specificity of the modern intelligentsia consciousness determined by the transition from classical to non-classical type of rationality. While maintaining the essential core of the intelligentsia, to which appertain the moral dimension of its activities, inscribed in the context of lifestyle of intellectuals. Social functions of the intelligentsia should not be reduced to the functions of the ideological struggle, moreover, the criticism of ideology is one of the conditions of objective knowledge. Specific tasks of the intelligentsia, determine its special position in the social division of labor, make a bunch of lifestyle and mental work a fundamental characteristic of the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, thinking, self-consciousness, social division of labor, ideology, rationality.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Попович М. В. Нарис історії культури України / М. В. Попович. – К.: АртЕк, 1998. – 728 с: іл.
2. Чичин Е.С. Интеллигенция как социально-философское понятие: к истории вопроса / Е.С. Чичин // Теория и практика общественного развития. – 2013. - № 11. – С. 56-60.
3. Пальшин А.А. Общественный смысл творчества интеллигенции / А.А. Пальшин // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 1. – С. 174-177.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / [ИФ АН СССР; Издательство социально-политической литературы]; [Пер. с нем. под ред. Е.П. Ситковского]. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
5. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.
6. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
7. Фихте И.Г. Сочинения: работы 1792-1801 гг. / И.Г. Фихте. Пер. с нем. под ред. Гайденко П.П. – М.: Ладомир, 1995. – 654 с.
8. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 23. Капитал: критика политической экономии. – 907 с.